

УДК 882

О.С. Сухих

доктор филологических наук, доцент,
кафедра русской литературы, Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: ruslitxx@list.ru

UDC 882

O.S. Sukhikh

Doctor of Philology, associate professor,
Department of Russian literature
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: ruslitxx@list.ru

**«Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского
и «Яшка» М. Горького: соприкосновение и расхождение
художественных концепций**

**F.M. Dostoevsky's "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree" and M.
Gorky's "Yashka": the contact and the divergence of artistic concepts**

Опубликовано: Ученые записки Орловского Государственного университета. 2015.
№ 3 (66). С. 192 – 195. <http://www.univ-orel.ru/disert/sbornik/201503.pdf>

В статье рассматриваются параллели в проблематике и поэтике рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского и сказки «Яшка» М. Горького, имеющие концептуальный характер. Анализируются особенности построения сюжета этих произведений, черты стиля писателей, принципы создания образа Рая, а также художественная трактовка образа ребёнка.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, М. Горький, образ Рая, образ ребёнка, сюжет.

The article discusses the parallels in the issues and the poetics of the short stories "The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree" by F.M. Dostoevsky and "Yashka" by M. Gorky, which are conceptual. The article analyzes the characteristics of the plot construction of these works, the features of writer's style, principles of creating an image of Paradise, and the artistic interpretation of the image of the child.

Keywords: FM Dostoevsky, Gorky, the image of Paradise, the image of the child, plot.

Ф.М. Достоевский и М. Горький стали для русской литературы своего рода символическими фигурами. При этом на первый взгляд они воспринимаются как антагонисты, тогда как в действительности их творческие взаимоотношения этим далеко не исчерпываются: существует масса параллелей и перекличек на уровне как проблематики, так и поэтики их произведений [прим. 1]. В этом аспекте представляет большой интерес тема ребёнка в осмыслении этих писателей, в частности в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского и сказке «Яшка» М. Горького.

Прежде всего, заметна *параллель в сюжете* этих произведений. И в том, и в другом случае взято за основу трагическое событие – смерть ребёнка. Достоевский этим заканчивает повествование – Горький же с него начинает. Причём *художественная функция этого события и способы его воплощения* в названных произведениях различны. Суть этих различий выводит читателя на вопросы мировоззренческого характера, которые решаются авторами не только в романах с философской проблематикой, но и в малых эпических формах, как в данном случае.

Тема «слезинки ребёнка» близка и тому, и другому писателю: они показывают враждебность действительности по отношению к детям, беззащитным перед злом. В обоих произведениях ребёнок умирает из-за равнодушия и жестокости взрослых, в обоих случаях смерть представляется как избавление от страданий. Но во многом *этот сюжетный ход не столько объединяет рассказ Достоевского и сказку Горького, сколько, напротив, выявляет несовпадение авторских позиций.*

У Достоевского большая часть рассказа посвящена событиям, которые *предшествовали* трагедии. Автор даёт описание мальчика, рассказывает, как он попал на улицу, подчёркивает, что никому не было до него дела: его предпочёл не заметить полицейский, потом его прогнали с праздника, в конце концов закономерным итогом становится то, что он прячется ото всех и замерзает – всё это представляет собой достаточно *развёрнутую линию повествования.* У Горького же вся история жизни и смерти героя укладывается *в одну фразу:* «Жил-был мальчик Яшка, били его много, кормили плохо, потерпел он до десяти лет, видит – лучше не жить ему, захворал да и помер» [6, с. 442].

В рассказе Достоевского картина жестокой зимы, подробное изображение постепенно замерзающего ребёнка, частое использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («ножки», «ручки», «пальчики», «копеечка»), риторические восклицания – всё направлено на усиление образа самого страдания, на то, чтобы вызвать сочувствие к герою. В сказке Горького тоже есть маленькие фрагменты, написанные в подобном стиле, но они касаются не Яшки, а святых в Раю, рассказывающих о своих мучениях. И в подаче Горького это вызывает не столько сострадание, сколько чувство тоски от монотонности и

однообразия рассказов, ведущихся для того, чтобы завоевать расположение Бога, привлечь внимание к собственным мучениям. Мальчик же не говорит о своих страданиях, воспринимая их просто, без трагизма и не желая вызвать жалость.

По стилю *Достоевский приближается к сентиментализму, Горький же – к минимализму*. Подобными стилистическими особенностями характеризуется повествование и в других, «знаковых» для этих авторов текстах: в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» и в повести «Детство». Иван Карамазов рассказывает Алёше о детских слезах и страданиях со многими подробностями, создавая страшную картину в ярких красках. В повести «Детство» эти краски внешне «приглушены», повествование «сухое», без прямого описания страданий героя, но от этого оно не делается менее впечатляющим: стилистические приёмы подчёркивают обыденность происходящего, а это и есть страшная суть жизни «неумного племени».

Ещё одна значимая параллель между рассказом «Мальчик у Христа на ёлке» и сказкой «Яшка» – это **образ Рая**. Различия в подходе к этому образу определяются мировоззренческими позициями авторов.

Религиозные взгляды Достоевского нередко становились объектом осмысления философов и литературоведов. Существует такая точка зрения, что все христианские сентенции писателя и его героев есть выражение его борьбы с собственным безверием. Мережковский высказал однажды догадку, которая оказалась неожиданной для него самого, о неверии Достоевского: «Как будто иногда пугался он своего собственного лица, которое казалось ему чересчур новым и мятежным... и уж во всяком случае недостаточно византийски-православным; и это истинное лицо прятал под масками своих раздвоенных героев... так хорошо прятал, что иногда и сам не мог найти лица своего под личиною... И тут вдруг едва не срывается у нас жуткий вопрос: ну, а что если Достоевский «просто не верит в бога?» Что если он потому именно откладывал да откладывал и так до конца и не разъяснил своей собственной «формулы» религии, что слишком боялся, как бы не пришлось ему сказать втайне совести своей, подобно Шатову: «Я верую в Россию, верую в ее православие. А в бога... в бога я буду веровать» [10]. К подобному пониманию религиозных взглядов Достоевского приходили В. Розанов в исследовании «Легенды о великом инквизиторе», Л. Шестов в работе «Достоевский и Ницше (философия трагедии)». Противоположной позиции придерживался Н. Бердяев. По его мнению, Достоевский с огромной силой обличает антихристианство и утверждает христианское понимание жизни, свободы: «И не было еще... такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа» [2, с. 231], подобную точку зрения выражал и С.Н. Булгаков в своей статье «Иван Карамазов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип». Есть и еще одно решение этой

проблемы, оно заключается в том, что позиция Достоевского внутренне противоречива, это борьба веры и безверия – об этом писал А.С. Долинин в монографии «Последние романы Достоевского». И в «Записных книжках», и в «Дневнике писателя», и в письмах можно найти немало мыслей, подтверждающих факт сомнений Достоевского. «Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и **действительно** было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной» [8], – в такой постановке и такой формулировке проблемы выражена не только несомненность выбора христианства, но и возможность сомнения, иначе не возник бы сам вопрос выбора.

В отношении горьковской религиозной позиции критики сходятся в том, что писатель не был религиозен в общепринятом смысле слова. Об этом пишет, например М. Агурский, называя Горького «великим еретиком» [1] и отмечая: «...он ненавидел любую официальную религию». «Горький ставит в центре мира человека, человеческое начало, даже когда говорит об этом начале как о Боге <...> У Горького своя “религия”. Недаром он однажды признался в “религиозном преклонении перед творческой силой разума человеческого”» [9]. В сознании писателя вера в Бога заменилась верой в разум человека. Само по себе горьковское богостроительство было формой атеизма, поскольку оно базировалось на мысли о том, что человек энергией разума творит Бога. И в то же время вера писателя в человека, в великую идею несла в себе черты религии.

Таким образом, религиозные воззрения как Достоевского, так и Горького нельзя истолковывать однозначно, однако дело не только в них. В художественных произведениях отражается *не только вера или неверие* писателя, но и *отношение* его к религии: принимает ли он этическую доктрину определённой религии (ведь принимать христианскую *этику*, например, может и человек неверующий), её воспитательное значение, влияние на личность и т.п. И если посмотреть на наследие обоих упомянутых авторов с этой точки зрения, то можно с уверенностью сказать, что Достоевский принимает христианство – а конкретно православие – как этический идеал, а Горький к этой религиозной концепции, как и к другим, относится скептически (почему и формируется в его сознании некая *новая вера*). Именно данный аспект религиозных взглядов писателей отражается, в частности, в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» и сказке «Яшка».

У Достоевского – в традициях христианства – образ Рая становится воплощением *красоты, духовной гармонии, светлой радости*; он создан писателем по контрасту к земной жизни героя: «...о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом всё куколки, - но нет, это всё мальчишки и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и

видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно <...> все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...» [7, с. 17].

Горький же представляет Рай с точки зрения скептика, атеиста, воспринимающего по контрасту его внешний облик, который красив и гармоничен, и духовную суть существования человека в этой обстановке. Внешнее описание не противоречит традиционному пониманию Рая: «Смотрит Яшка – невиданно хорошо в раю: посреди зелёного луга, на золотом стуле, сидит господь Саваоф, седую бороду поглаживает, озирается всевидящим оком, райские цветы нюхает, райское пение слушает; везде – во цветах, на деревьях – херувимы с серафимами осанну поют...» [6, с. 442]. Однако сам характер бытия в таком красивом, но статичном мире – это для Горького прежде всего однообразие и порождённая им скука. У Достоевского в образе Рая внешнее и духовное гармонируют: свет вокруг героя – и свет в его душе; Рай здесь не означает статики и отсутствия переживаний, развития: для мальчика это обретение единства с ангелами, встреча с матерью, радость за себя и за других – это *жизнь*, только на ином её этапе, в иной обстановке и с иным смыслом. В горьковской же сказке Яшка видит, как сам Бог, несмотря на красоту пейзажа, заскучал в Раю, слушая, как святые постоянно говорят о том, какие они претерпели мучения: «Слушает господь, - немножко морщится. - Да уж ладно! - говорит. - Уж слышал я это, ведь вы почти две тысячи лет одно и то же поёте. Ну, - пострадали, помучились, покорно вас благодарю за это, только - спели бы вы хоть разок весёлое что-нибудь, а?» [6, с. 442]. Здесь имеет смысл вспомнить горьковское *отношение к страданию*. Если в восприятии Достоевского страдание очищает душу человека, ведёт к духовному совершенствованию, то Горький этой идеи принципиально не принимает: «Можем ли мы внушить сами себе и друг другу отвращение к страданию, преступлению, ко лжи, жестокости и всей той подлой пыли, которой так много в душе каждого из нас, кто бы он ни был, сколь бы высоко «культурным» им считался? Истинная суть и смысл культуры – в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его» [3]. Горький «видит, что человек страдает – и это страдание переходит в него, и он ненавидит страдание, он хочет убить его во всём бытии, чтобы избавить себя от внутренней боли» [9]. Оставим на совести автора – М. Дунаева, настроенного весьма враждебно по отношению к Горькому, – подспудный намёк на эгоизм писателя. Ведь в том, чтобы почувствовать чужое

страдание как своё и состоит христианский принцип любви к ближнему, искренне принимаемый атеистом Горьким. И ненависть к страданию для него часть любви к человеку, к жизни, к борьбе, к свету. Страдание же в его восприятии – это зло, которое абсурдно превозносить. Именно поэтому он в процитированной выше заметке из «Несвоевременных мыслей» выстраивает весьма красноречивый ряд однородных членов: страдание – преступление – ложь – жестокость – подлая пыль. И в сказке «Яшка» явно выражено авторское неприятие культа страданий. Отсюда же черты минимализма в стиле, в отличие от сентиментальности Достоевского. Отсюда и вообще негативное отношение Горького к Достоевскому: «Неоспоримо и несомненно: Достоевский — гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства однако рисуясь им пред всеми и пред самим собою» [4].

Отсутствие в Раю новых впечатлений, действия, радости, рассказы святых о своих страданиях, видящиеся автору однообразными и монотонными, – всё это в сказке Горького снижает образ Рая (тем самым снижает, дискредитирует мечту человека о нём), и определяет отношение к нему со стороны главного героя. И это снова возвращает нас к сопоставлению этого произведения с рассказом «Мальчик у Христа на ёлке». У Достоевского Рай становится воплощением абсолютного добра, там даже слёзы льются лишь от умиления. *Бог спасает ребёнка* от жестокости земного мира, он жалеет его и других несчастных детей и даёт им возможность стать счастливыми, обрести радость, веселье, которого не было в прежней жизни. У Горького же ситуация противоположная: *ребёнок жалеет Бога*, видя его уставшим от однообразия, скуки: «- Слушай-ко, - деловито сказал Яшка, - ты вот что сделай, ты меня верни назад на землю, а я там выучусь на балалайке играть, и когда второй раз помру, так буду тебе весёлые песни петь с балалайкой, - ладно? И тебе веселее будет, и я недаром стану в раю торчать. Поглядел на него господь из-под густых бровей, погладил бороду седую и тихонько спросил:

- Али тебе, Яшка, жалко стало меня?

- Жалко! - сказал Яшка...» [6, с. 444].

Стоит также отметить различия в подходах писателей к *художественной трактовке образа ребёнка*. В рассказе Достоевского мальчик описан с точки зрения взрослого, чувствующего его переживания, очень живые и понятные. Однако здесь ребёнок показан по преимуществу как *объект* того или иного отношения к нему: равнодушного или жестокого со стороны людей и тёплого со стороны Бога. Сам же

маленький герой *почти лишён активного начала*, воли. На протяжении действия он лишь бежит, прячется. Он воплощение беспомощности и незащитности, что усиливает идею автора, гуманистический пафос рассказа. Что же касается героя горьковской сказки, то он изображён как *субъект действия*, он олицетворяет собой активную волю, он принимает решение, определяет собственную судьбу. Даже умирает он как будто по собственной воле, взвесив обстоятельства: «... потерпел он до десяти лет, видит – лучше не жить ему, захворал да и помер» [6, с. 442]. И, снова приняв самостоятельное решение, потом возвращается на землю. Того страха и трепета, которые испытывает герой Достоевского, в горьковском Яшке совершенно нет – есть готовность жить и бороться.

Эти различия в трактовке образа ребёнка отражают *расхождения в идейных замыслах произведений*. Пафос Достоевского – это гуманизм, христианская любовь к ближнему, как к самому себе. Сентиментальность стиля, подробности детских страданий и переживаний – всё это направлено на порождение в сознании читателя психологического «механизма» идентификации героя с собой, а значит, максимального понимания и сочувствия. Пафос Горького – призыв к активности, к тому, чтобы не сосредотачиваться на собственных страданиях, а принимать жизнь как поле деятельности и борьбы. В одном из писем Л. Андрееву Горький так выразил своё credo (мимоходом в очередной раз противопоставив себя Достоевскому и его герою Ивану Карамазову): «Мир держится деяниями и – чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, – кто бы он ни был, – мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик. Многие, прельстясь развратной болтовней азиата и нигилиста Ивана Карамазова, трактуют пошлейше о "неприятности" мира, ввиду его "жестокости" и "бессмыслия" – будь я генерал-губернатором, я бы не революционеров вешал, а вот этих самых "неприемщиков", зане сии языкоблудцы для страны нашей вреднее чумных крыс". [5, с. 10-11]. Создавая в 1919 г. сказку «Яшка», он фактически выразил ту же самую мысль.

При всех различиях, которые были отмечены выше, произведения Достоевского и Горького всё же сходны не только по теме. Их объединяет и *соотношение вымысла и реальности*. В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» автор прямо говорит о том, что описывает он вымышленный случай: «... я романист, и, кажется, одну "историю" сам сочинил. Почему я пишу: "кажется", ведь я сам знаю наверно, что сочинил» [7, с. 14]. Горький даёт своему произведению подзаголовок «Сказка», говорящий сам за себя. При этом в обоих произведениях изображены вполне реальные, типические характеры и закономерности жизни, какими их видят авторы, так что форма вымышленного святочного рассказа или сказки заключает в себе

социально-философское содержание, совершенно реальное и концептуальное для автора.

Примечания

1. О тенденциях и направлениях исследования данной темы см. подробнее: Сухих О.С. «Горький и Достоевский: продолжение “Легенды...”». Нижний Новгород, КиТиздат, 1999. 143 с.; Матевосян Е.Р. Достоевский в художественном восприятии Горького. Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. М., 1998 (<https://vivaldi.nlr.ru/bd000229179/view#page=1>).

Библиографический список

1. *Агурский М.* Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/NSM/eretik.htm> (дата обращения - 17.04.2015).
2. *Бердяев Н.* Великий инквизитор // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 219-243.
3. *Горький М.* «Несвоевременные мысли»: Заметки о революции и культуре. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/2378/p.34/index.html> (дата обращения - 17.04.2015).
4. *Горький М.* О карамазовщине. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-349.htm> (дата обращения - 16.04.2015).
5. *Горький М.* Письмо Л. Андрееву. Капри, 1912 г. // Переписка А.М. Горького: в 2 тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 10-11.
6. *Горький М.* Яшка // Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 тт. Т. 16. М.: Наука, 1973. С. 442-444.
7. *Достоевский Ф.М.* Мальчик у Христа на ёлке // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Том 22. Л.: Наука, 1981. С. 13-17.
8. *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.Д. Фонвизиной, 1854 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-fonvizinoj-konec-yanvary-a-20-e-chisla-fevralya-1854.htm> (дата обращения - 17.04.2015).
9. *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (дата обращения - 17.04.2015).
10. *Мережковский Д.* Толстой и Достоевский. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (дата обращения - 17.04.2015).

References

1. *M. Agurskii* Great heretic (Gorky as a religious thinker) [Electronic resource] - Mode of access: <http://alt-future.narod.ru/NSM/eretik.htm> (date of treatment - 17.04.2015).
2. *Berdyayev N.* The Grand Inquisitor // About the Grand Inquisitor. Dostoevsky and the next. M.: Molodaya Gvardiya, 1991. Pp 219-243.
3. *Gorky M.* Untimely Thoughts: Notes on the Revolution and culture. [Electronic resource] - Mode of access: <http://ilibrary.ru/text/2378/p.34/index.html> (date of treatment - 17.04.2015).
4. *Gorky M.* About Karamazovism. [Electronic resource] - Mode of access: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-349.htm> (date of treatment - 16.04.2015).
5. *Gorky M.* Letter to L. Andreev. Capri, 1912 // Correspondence of A.M. Gorky in 2 vols. V. 2. M.: Artistic Literature, 1986. Pp. 10-11.
6. *Gorky M.* Yashka // Gorky M. Fuller. cit. cit.: 25 vols. V. 16. M.: Science, 1973. Pp. 442-444.
7. *Dostoevsky F.M.* The beggar boy at Christ Christmas tree // Dostoevsky F.M. Full. cit. cit.: 30 vols. V. 22. L.: Science, 1981. Pp. 13-17.
8. *Dostoevsky F.M.* Letter to N.D. Fonvizina, 1854 [Electronic resource] - Mode of access: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-fonvizinoj-konec-yanvaryaya-20-e-chisla-fevralya-1854.htm> (date of treatment – 17.04.2015).
9. *Dunayev M.* Faith in the crucible of doubt. [Electronic resource] - Mode of access: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (date of treatment – 17.04.2015).
10. *Merezhkovskii D.* Tolstoy and Dostoevsky. [Electronic resource] - Mode of access: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (date of treatment – 17.04.2015).

Статья публикуется впервые.
17.04.2015.

(Сухих О.С.)